

Рец. на кн.: FRANZ KRAUSE. *THINKING LIKE A RIVER: AN ANTHROPOLOGY OF WATER AND ITS USES ALONG THE KEMI RIVER, NORTHERN FINLAND.*

Bielefeld: transcript Verlag, 2023. 292 p.

Ксения Андреевна Гаврилова

Чукотский филиал Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова
3 Студенческая ул., Анадырь, Россия
kgawrilova@eu.spb.ru

Аннотация: Книга Франца Краузе посвящена экологической, экономической и социальной истории и современности реки Кемийоки, протекающей в Лапландии, самом северном регионе Финляндии. В своем исследовании Краузе сочетает проблематику и методы экологической истории с теоретическими наработками антрополога Тима Ингольда. Вводные разделы книги посвящены формированию населения и моделей частного хозяйствования в бассейне Кемийоки, номинации пространственных объектов и осмыслению пространства в контексте реки, государственным практикам освоения ресурсов удаленного региона через использование реки, а именно сплаву древесины и развитию гидроэнергетики. Отдельное внимание уделяется рыбному промыслу на реке, техникам и задачам речной навигации в прошлом и настоящем, а также сети всепогодных дорог с твердым покрытием, сформировавшейся как транспортная система, альтернативная речной. Этнография приречной жизни осмысливается при помощи поэтических ингольдовских категорий — «потоки», «ритмы» и «резонансы», позволяющих описать бассейн Кемийоки как непрерывно меняющийся ландшафт деятельности людей и не-человеческих существ. Мир реки видится как пространство резонирующих ритмов. Так, климатические явления (температура, агрегатное состояние воды в реке, свет, ветер и осадки) резонируют с движением рыбы, выбором человеком пути и вида транспорта, регуляцией водотока и планами гидроэнергетической компании.

Ключевые слова: экологическая история, реки, ритмы, потоки, Тим Ингольд, Лапландия.

Для ссылок: Гаврилова К. Рец. на кн.: Franz Krause. *Thinking Like a River: An Anthropology of Water and Its Uses Along the Kemi River, Northern Finland.* Bielefeld: transcript Verlag, 2023. 292 p. // Антропологический форум. 2024. № 62. С. 385–395.

doi: 10.31250/1815-8870-2024-20-62-385-395

URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/062/gawrilova.pdf>

ANTROPOLOGICHESKIJ FORUM, 2024, NO. 62

A Review of FRANZ KRAUSE, *THINKING LIKE A RIVER: AN ANTHROPOLOGY OF WATER AND ITS USES ALONG THE KEMI RIVER, NORTHERN FINLAND.* Bielefeld: transcript Verlag, 2023, 292 pp.

Ksenia Gavrilova

Chukotka Branch of North-Eastern Federal University
3 Studencheskaya Str., Anadyr, Russia
kgawrilova@eu.spb.ru

Abstract: *Thinking Like a River* by Franz Krause presents an environmental, economic, and social research on historic development and the current state of the river Kemi of Lapland, Northern Finland. The study builds on research agenda and methodology of environmental history alongside theoretical framework devised by an anthropologist Tim Ingold. The opening ethnographic sections of the book address the settlement process in the region, formation of private economies of the local households, and the role of the river as a space-maker that underlies the toponymic system of the region. The detailed ethnography of fishing and boating activities of the local population is followed by the study of the road system that replaced boating along the river as a dominant way of getting around. Besides being an 'integrator' of the catchment area, the Kemi River has been acting as a tool for facilitating resource extraction from the region. Throughout the 20th century, the river was used by the state and companies approved by the state as an infrastructure for transportation of timber and production of hydroelectricity. Throughout the book the life of the Kemi catchment area is consistently described in terms of 'flows', 'rhythms' and 'resonances'. This analytical framework allows Krause to conceptualize the river dwellers' world as a landscape ('taskscape') of resonating rhythms produced by both humans and non-human entities. For example, meteorological conditions resonate with the movement of fish, with the choice of a way and means of transport, with the control over river discharge and long-term plans of the hydroelectric company.

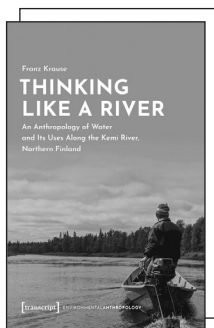
Keywords: environmental history, rivers, rhythms, flows, Tim Ingold, Lapland.

To cite: Gavrilova K., 'A Review of Franz Krause, *Thinking Like a River: An Anthropology of Water and Its Uses Along the Kemi River, Northern Finland.* Bielefeld: transcript Verlag, 2023, 292 pp.', *Anthropologicheskij forum*, 2024, no. 62, pp. 385–395.

doi: 10.31250/1815-8870-2024-20-62-385-395

URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/062/gawrilova.pdf>

Рец. на кн.: **Franz Krause. *Thinking Like a River: An Anthropology of Water and Its Uses Along the Kemi River, Northern Finland.*** Bielefeld: transcript Verlag, 2023. 292 p.

Книга Франца Краузе посвящена экологической, экономической и социальной истории и современности реки Кемийоки, протекающей в Лапландии, самом северном регионе Финляндии. В своем исследовании Краузе сочетает проблематику и методы экологической истории с теоретическими наработками антрополога Тима Ингольда. Вводные разделы книги посвящены формированию населения и моделей частного хозяйствования в бассейне Кемийоки, номинации пространственных объектов и осмыслению пространства в контексте реки, государственным практикам освоения ресурсов удаленного региона через использование реки, а именно сплаву древесины и развитию гидроэнергетики. Отдельное внимание уделяется рыбному промыслу на реке, техникам и задачам речной навигации в прошлом и настоящем, а также сети всепогодных дорог с твердым покрытием, сформировавшейся как транспортная система, альтернативная речной. Этнография приречной жизни осмысляется при помощи поэтических ингольдовских категорий — «потоки», «ритмы» и «резонансы», позволяющих описать бассейн Кемийоки как непрерывно меняющийся ландшафт деятельности людей и не-человеческих существ. Мир реки видится как пространство резонирующих ритмов. Так, климатические явления (температура, агрегатное состояние воды в реке, свет, ветер и осадки) резонируют с движением рыбы, выбором человеком пути и вида транспорта, регулирующей водотока и планами гидроэнергетической компании.

Ключевые слова: экологическая история, реки, ритмы, потоки, Тим Ингольд, Лапландия.

Книга немецкого антрополога Франца Краузе «Думать как река» посвящена реке Кемийоки, протекающей по территории Лапландии и впадающей в Ботнический залив Балтийского моря — именно реке, ее экологической, экономической и социальной жизни. В этом смысле первая ассоциация, возникающая у читателя, знакомого с «онтологическим поворотом» в антропологии, при виде названия («думать» + «не-человеческая сущность»), оказывается скорее верной. Впрочем, верной содержательно, а не хронологически. Рецензируемая книга 2023 г. издания представляет собой публикацию диссертации Краузе, полевая работа для которой проводилась в 2007–2008 гг. Как признается сам автор в предисловии, именно этот временной отрезок и является этнографическим настоящим книги, в то время как ее антропологическое настоящее — актуальные дебаты и антропологическая мода первого

Ксения Андреевна Гаврилова

Чукотский филиал
Северо-Восточного федерального
университета им. М.К. Аммосова,
Анадырь, Россия
kgawrilova@eu.spb.ru

десятилетия XXI в. Книгу следует рассматривать на фоне этого временного и аналитического контекста, как бы велик ни был соблазн сравнивать ее с опубликованным позже бестселлером Эдуардо Кона [Kohn 2013]. Впрочем, сам автор книги о Кемийоки и в более поздних работах не относит себя к исследовательской традиции Кона, Дескола и Вивейруша де Кастру (см., например: [Krause 2023]). Как я постараюсь показать далее, Краузе — ингольдианец: иногда кажется, что даже в большей степени, чем сам Тим Ингольд.

Отправной точкой исследования о Кемийоки становятся вопросы: думают ли люди, связанные с рекой — через рыбный промысел, перемещение по реке или гидроэнергетику, *как река* и, если да, то как происходит этот процесс мышления? Разъяснение того, что, собственно, означает словосочетание «думать как река» мы находим в первой главе (Introduction): это значит мыслить и воображать мир в категориях не постоянства и устойчивости, но движения и потоков (Р. 30). Ответ на вопрос «думают ли...» подсказан автором в той же главе, ибо декларируемой задачей последующих глав становится демонстрация того, в какой степени мышление «в категориях потока и движения» (*in terms of flow and movement*) имманентно множеству видов деятельности, связанных с рекой. Интрига исследовательского поиска тем самым оказывается разрушена, но впереди обещано много этнографии.

Свою книгу Краузе вписывает в ряд контекстов, таких как антропологические исследования воды (в числе наиболее вдохновляющих его — работы Вероники Стрэнг и Марка Харриса, р. 23–25), а также экологическая антропология и история. Историко-экологический диахронический подход позволяет автору сделать акцент на совместном взаимообусловленном формировании реки и приречных жителей, а также продемонстрировать, как исторически изменчивые силы и процессы определяли и продвигали те или иные стили жизни и отношений прибрежного населения с рекой (Р. 33). Именно этот подход направляет этнографическую материю книги: главы 2–9 упорядочены хронологически — от летописи освоения реки и региона этническими группами саамов и финнов до развития гидроэлектроэнергетики и буквальной «переделки» реки во второй половине XX в. С точки зрения антропологического анализа Краузе вдохновляется не столько исследованиями воды и водных объектов, сколько антропологией «ритмов» и «потоков»: принципиальным теоретическим контекстом оказываются для него работы антрополога Тима Ингольда, а доминирующим языком описания — предложенный Ингольдом аналитический аппарат.

Прежде чем перейти к обсуждению теоретической рамки книги, необходимо сделать одно замечание о переводе. Любой перевод научного исследования, и рецензия как его частный случай, предполагает допущения и неточности при переложении исходного концептуального языка на язык рецензента (в лингвистическом и философском смысле). В случае с работами Ингольда и особенно, как кажется, с текстами, вдохновленными Ингольдом, такая работа дополнительно затруднена избыточной поэтичностью и метафоричностью исходного языка. Чтобы не быть обвиненной в исчерпании глубины смысла, некоторые ключевые категории я оставлю без перевода, перевод же других буду сопровождать английским оригиналом¹.

При анализе человеческих взаимодействий с рекой Краузе исходит из противопоставления водного потока и твердой земли, а также из особой перспективы нахождения в мире (*dwelling perspective*), которую разрабатывает Ингольд. В соответствии с ней проживание / нахождение в мире следует понимать не как заселение мест, предназначенных формой и смыслом, существующими отдельно от актов проживания / обитания (*habitation*), но как процесс производства формы и смысла места через взаимодействие человека с социокультурной и экологической средой (Р. 32). Соответственно реки ввиду характерной для них текучести и изменчивости тем более не являются «твердой» предзаданной средой, но постоянно создаются и переформируются непрерывными, ритмизованными потоками людей, воды, материи, энергии. Жизнь на реке, таким образом, предлагается рассматривать как постоянное взаимодействие потоков и ритмов — речного стока, образования льда, оттепели, вегетативных циклов и поведения животных, темноты и света, видов хозяйственной активности (Р. 36). Смысловым мостиком между заявленной антропологией воды и фокусировкой на «потоках» становится очевидное наблюдение: вода — это всегда поток, движение, трансформация, ритм. Жить с рекой (*living with a river*) значит прислушиваться к ее ритмической динамике, значит обитать (*dwelling*) в мире, пронизанном звучанием воды, ее визуальными и тактильными образами. При этом, говоря о потоках и трансформациях, Краузе подчеркивает, что его интересует не постмодернистский контекст новых мобильностей, глобальных перемещений капитала, трудовых ресурсов и информации. Потоки для него — не траектории соединения отделенных пространств и не переход от одного предзаданного стабильного состояния к другому. Усвоенное Краузе ингольдианское понимание потоков предполагает взгляд на мир как на

¹ Я благодарю Валерию Васильеву за обсуждение прецедентов перевода на русский язык ключевых категорий из работ Ингольда.

переплетение (сеть, полотно¹ — *meshwork*; еще одна категория, предложенная Ингольдом) различных «нитей» (линий, *threads*), вдоль которых биографии людей, их знания и навыки, климатические явления и водоток разворачиваются в мире и взаимно влияют друг на друга. Эти «нити» имеют материальное и феноменологическое основания, они вплетены в отношения власти и конституируются посредством трений с траекториями других потоков (Р. 29).

В этой точке теоретизирования границы между «потоками», «нитьями», «ритмами» становятся едва уловимыми, и тем не менее, вооружившись умозрительной концепцией мира как эластичного полотна (*meshwork*), непрерывно трансформирующегося в результате взаимодействия всех воображимых сущностей, Краузе подходит к этнографической части своего исследования — детальной хозяйственно-экологической истории реки Кемийоки.

Первые две собственно исследовательские главы посвящены прибрежным сообществам и отдельным людям, проживающим вблизи Кемийоки. Во второй главе Краузе рассказывает историю заселения бассейна Кемийоки этническими группами, которых современная наука обозначает как «саамы» и «финны». Избегая устойчивого нарратива о подавлении одной группы другой, Краузе описывает обмен хозяйственными навыками, соотношение оленеводства и распространения сельского хозяйства в регионе, а также влияние на прибрежное население разных волн модернизации лесного хозяйства в XX в. «Речными жителями» (*river dwellers*) называются те, в чьих биографиях река и радикальные трансформации, которым она подвергалась, сыграли принципиальную роль. В этой главе Краузе предлагает детальные биографии четырех речных жителей из разных поколений, которые вряд ли встречались, но чья деятельность и повороты биографии неизбежно соприкасались через реку (Р. 43–55). В следующей главе Краузе обращается к анализу роли реки в том, как прибрежные жители концептуализируют пространство. География тяготеющей к реке территории, местоположение конкретных ферм, семей и значимых географических объектов определяется в координатах течения реки — выше или ниже по течению. Такое относительное положение закрепляется на языковом уровне, отражаясь в региональной топонимии, гидронимии и антропонимии. Кроме того, Краузе анализирует роль реки как материальной границы внутри региона, влияние воображаемого направления течения реки на определение сторон света, приписывание стереотипных соци-

---

¹ См.: [Мамонтова 2018: 279].

альных характеристик верховьям и низовьям реки (например, движение к истокам Кемийоки может оцениваться как путешествие на холодную, малозаселенную северную периферию, а к устью — как к более теплому, городскому индустриализованному центру).

Четвертая глава (“Shaping and reshaping the river: Towards an environmental history”) выступает своеобразным введением к последующим главам, посвященным отдельным видам хозяйственной деятельности и спровоцированным ими экономическим, геофизическим и гидрологическим преобразованиям реки. В разные исторические периоды существовал доминирующий взгляд на то, как река должна выглядеть и работать. Эти предпочтительные сценарии закреплялись в нормативно-правовом поле (шведской короной, правительством Великого княжества Финляндского или Республики Финляндия) и наравне с собственно гидрологическими процессами формировали облик реки. В духе экологической истории, вдохновленной работами Ричарда Уайта, Краузе представляет историческую панораму моделей использования реки. Добыча семги при помощи переметов (рыбных плотин), доминировавшая с XVI в. в купе с земледелием на заливных лугах, в начале XX в. сменилась сплавом древесины как «гегемонным» способом использования реки. Сплав древесины потребовал модификаций русла: устройства деревянных и каменных дамб, регулировавших водоток на речных притоках, расчистки от камней, углубления и выпрямления русел. Во второй половине XX в., после того как в регион пришла гидроэнергетика — застройка реки дамбами, резервуарами и гидроэлектростанциями, гегемония древесины пошатнулась. В XXI в. гегемония гидроэнергетики, в свою очередь, стала размываться набирающим популярность экологическим туризмом, а также движением за охрану природы. Кроме изменений структуры реки, все эти модели использования влияли и на биоразнообразие. Так, неочищенная от коры древесина меняла химический состав воды, а инфраструктура гидроэнергетики закрыла доступ в устье Кемийоки для миграции рыбы, прежде всего семги (Р. 100–101). Наконец, на антропогенные влияния накладываются естественные гидрологические ритмы: русла реки и ее берега менялись всегда, начиная с ледникового периода, а не только во времена бума ГЭС.

Описывая в пятой главе рыбный промысел на Кемийоки, Краузе отмечает изменение статуса этого занятия — практика жизнеобеспечения, стоящая в одном ряду с охотой или фермерством, стала досугом, видом активного отдыха и туризма. В главе дана детальная этнография сезонных способов рыбной ловли и соответствующих снастей, ценности разных пород рыбы и локаций для ее добычи; отдельное внимание уделяется

отношению к семге как символу аутентичной, неиспорченной реки. Для жителей региона чувство принадлежности к реке по-прежнему кодируется через эмпатические отношения с рыбой, собственноручную добычу и последующее поедание улова. Тему личных отношений с рекой продолжает и шестая глава, посвященная речной навигации. В фокусе внимания оказываются навыки управления судами на реке, практики ориентирования в пространстве, представления о географии бассейна, умения интерпретировать потоки с точки зрения течения и контртечений, порогов, глубин и рельефа дна. Все эти навыки Краузе рассматривает как особые телесные знания и умения, полученные в процессе перемещений по реке в лодке или в условиях проживания вблизи отдельных сложных для навигации участков. Кроме того, Краузе обсуждает историческое использование реки как транспортной артерии для дальних путешествий, доставки продуктов, регулярных перемещений. Принципиальным образом транспортная роль реки изменилась в XX в. в связи с созданием системы всесезонных дорог, речь о которой идет в восьмой главе. Тогда же хождение на лодке стало инструментом утверждения права обычного прибрежного жителя на речные воды и противопоставления себя гидроэнергетическим компаниям.

Седьмая глава посвящена одному из ключевых в прошлом видов экономической деятельности на Кемийоки — сплаву древесины. Однонаправленное стабильное течение, позволяющее собрать древесину по притокам с обширной территории речного бассейна и доставить ее в условный центр (устье реки), создало идеальные условия для вывоза ресурсов из периферийных регионов. В свою очередь, прибрежные жители с их речными компетенциями становились идеальными сплавщиками, которые ввиду сезонности сплавной работы могли сочетать эту занятость с другими сезонными заработками, например лесоповалом или молочным животноводством. В этой главе Краузе предлагает этнографию технологий сплава и сплавной инфраструктуры на притоках и озерах речной системы Кемийоки, а также описания специальных умений, требуемых для работы сплавщика, таких как навигация в узких протоках, управление древесиной, предупреждение и разбор заторов. Наконец, Краузе возвращается к проблематике потоков, трений и ритмов, рассуждая об управлении потоками древесины относительно потока воды посредством третьего потока — сплавщиков. Трение здесь (со ссылкой на знаменитую работу Анны Цзин, р. 155, 171) — и физическое трение материи, и ритм, в который должны попасть потоки, чтобы сплав был эффективным.

Следующая, восьмая глава, как уже говорилось, уходит от описания речной системы в сторону параллельной транспортной

инфраструктуры — системы всепогодных дорог с твердым покрытием, пронизывающих территорию Лапландии. Дороги переориентировали потоки древесины с речной транспортировки на наземную. Но не только древесина — потоки людей и товаров в целом оказались перенаправлены на дороги, плотность которых к концу XX в. достигла поразительных масштабов, учитывая относительно низкую заселенность Лапландии. Дорожная инфраструктура, замечает Краузе, гарантирует доступ к территориям, куда раньше такого доступа не было. Она не требует специальных знаний для навигации и управления транспортом, плотных социальных связей с населением региона, а также меньше, чем река, зависит от сезонных и климатических условий. Помимо этнографии расположения дорог, переправ через реку и зависимости дорожного движения от температуры воздуха, осадков, различных агрегатных состояний воды, Краузе предлагает краткую этнографию зимних дорог, укорененных в ландшафте и предполагающих взаимодействие с населением тех мест, через которые они пролегают (Р. 177–178). Всепогодные дороги пришли на смену именно зимникам и речному транспорту. В течение XX в. развитие дорог подстегивалось интересами акторов, находившихся за пределами Лапландии, но ставивших своей целью контроль над ее территорией и вывоз ее ресурсов. Первые дороги не столько соединяли регион изнутри, сколько давали доступ к нему извне. В результате появление плотной дорожной системы перестроило связи внутри региона и привело к территориальному перераспределению хозяйственной деятельности, дрейфу населения и увеличению зависимости жителей бассейна Кемийоки от инфраструктур удаленных центров. Река же из основного канала перемещения стала окказиональным препятствием на пути, например там, где для непрерывного функционирования системы дорог понадобились сезонные переправы.

Во второй половине XX в. «гегемонной» хозяйственной деятельностью на реке стало производство гидроэлектроэнергии. Истории и этнографии этого процесса посвящена девятая глава. Интенсивное покрытие региона линиями электропередач происходило в 1950–1970 гг., продолжалось оно и в начале XXI в. — электрификация уходила вглубь лесов, к летним домикам и прибрежным базам. Несмотря на то что решение о развитии электроэнергетики в бассейне Кемийоки было принято на государственном уровне без консультаций с местным населением, социально-экономическая и хозяйственная роль этой отрасли неоднозначна. С одной стороны, возведение дамб и гидроэлектростанций стало очередным инструментом выкачивания ресурса (гидроэнергии) из региона, ради чего морфология реки была принципиально изменена. Для описания

социального эффекта этих изменений Краузе использует понятие *displacement* (перемещение, вытеснение), означающее насильственное изменение отношений между людьми и средами их обитания, в том числе перемещение людей или субстанций из одного места в другое, а также изменения ландшафта, властных отношений и ритмов жизни. В случае с Кемийоки такими вытеснениями стали затопления отдельных участков бассейна и переселение людей, размытие берегов, поднятие уровня воды и уход под воду лугов, пастбищ, ферм, а также геофизические изменения реки, например исчезновение перекатов и порогов, мелководных переходов через реку. Все эти трансформации спровоцировали отчуждение, потерю ощущения контроля над рекой, необходимость подстройки сложившихся практик природопользования под ритмы гидроэнергетической компании Kemijoki Ltd. С другой стороны, гидроэнергетический бум стал принципиальным вкладом в историю успеха послевоенного восстановления финской экономики. На начало же XXI в. производство гидроэлектроэнергии в бассейне Кемийоки предполагало не только оперирование сложными технологиями, но и круглосуточные наблюдения за рекой и заботу о жителях региона через контроль наводнений, уровня воды и даже соответствия агрегатного состояния реки ожиданиям жителей. Наконец, Краузе фокусируется на ритмах производства электроэнергии на реке. Так, он отмечает, что технология работы гидроэлектростанций, резервуаров и дамб зависит от сменяющих друг друга сезонных и погодных ритмов — температуры, осадков, образования льда, наводнений и засух. Таким образом, компания вынуждена адаптироваться к ритмам реки так же, как и местные жители. Впрочем, на ритм производства электричества влияют и колебания спроса, работа локального скандинавского рынка электроэнергии, национальная политика в области энергопотребления и обмен энергоресурсами между соседними странами. Все эти факторы определяют количество электричества, производимого на Кемийоки в данный конкретный момент, а значит и уровень воды в резервуарах и объем водотока. Иными словами, естественные ритмы реки отчасти подменяются капиталистической логикой извлечения прибыли из производства электричества по оптимальной цене.

Предпоследняя, десятая глава книги посвящена собственно темпоральному измерению жизни на реке — ритмам реки и хозяйствующих субъектов. С опорой на исследования Ингольда Краузе рассматривает темпоральность как протяженность (*duration*), воплощенную в любой деятельности и имманентную выполнению определенных задач (*tasks*). Совокупность задач в поле социального Краузе обозначает при помощи еще одной категории из парадигмы Ингольда — “taskscape”: *таскскейн*

пронизан переплетающимися ритмами, которые, попадая в резонанс, производят определенные ландшафты (Р. 224). Помимо ритма и таскскейпа, ключевым понятием этой главы становится *резонанс*. Итак, ритмы многочисленных видов человеческой деятельности переплетаются в *social taskscape* (или *socio-ecological taskscape*) друг с другом и с ритмами не-человеческих сущностей и феноменов — животных, растений, сезонов, погоды, чередования дня и ночи. Например, сезонные ритмы входят в резонанс с ритмами промыслов на реке (сплав древесины летом, сезонная рыбная ловля) или возведения временной инфраструктуры и ее функционирования (сезонные переправы, летние магазины). Соответственно, заключает Краузе, жизнь на реке следует понимать как полиритмический феномен, конституированный отношениями (резонансами) между ритмами человеческой деятельности, состояния реки и сезонами, имеющими социально-метеорологическую природу.

Общим выводом, к которому приходит автор, предсказуемо оказывается представление мира речных жителей как изменчивого пространства резонирующих ритмов (ср.: “The river dwellers’ world comes into being <...> as a meshwork of various rhythmic flows”, р. 257). Человеческие ритмы гармонизированы с ритмами реки, а сама река несет свои воды в соответствии с человеческими потребностями. Изначально выбранная Краузе перспектива строго определяет то, что он получает на выходе: “dwelling with a river” означает формировать реку под себя и быть сформированным ею, регулировать ее потоки и быть ограниченным ими. Однако на собранных материалах можно было бы рассказать совершенно другую историю, например о том, как сообщества формируются политикой добычи и регуляции ресурсов удаленной территории. Краузе вполне осознает это и говорит, что намеренно не интересовался или, точнее, не называл властными отношениями взаимодействия разных агентов на территории бассейна, несмотря на то что существуют «сильные» ритмы, способные менять другие ритмы, и всегда присутствуют трения одних ритмов / потоков о другие (Р. 259). Гегемония потоков делает этнографические главы иллюстрациями к ингольдианским тезисам, которые ввиду своей поэтичности не требуют доказательств и не предполагают оспаривания. А потому при чтении книги сложно бороться с ощущением, что концептуальную рамку (набор удачных метафор?) из этнографических глав можно вычесть без ущерба для содержания.

Свою рецензию я начала с утверждения, что главным героем книги является Кемийоки, несмотря на то что подразумеваемый автором агент, стоящий за актом мышления (“thinking...”), — люди, а не река (как было бы у Эдуардо Кона). Люди же инте-

ресуют Краузе лишь постольку, поскольку они связаны с рекой. Они появляются как участники и комментаторы речных процессов, присутствуют в тексте в виде отдельных биографий. Но после внимательного прочтения книги сложно сказать, какое именно население проживает на берегах Кемийоки — городское или сельское, чем оно занято в этнографическом настоящем 2007–2008 гг., какую именно роль речные процессы играют в жизни этих людей (по сравнению с любыми другими процессами). На последний вопрос, впрочем, книга дает однозначный, но несколько бессодержательный ответ: речные процессы играют в жизни людей большую роль, ведь изменчивая среда обитания создается потоками, связанными с рекой. Наконец, на ключевой вопрос книги — думают ли прибрежные жители как река, т.е. представляют ли они мир в виде ритмизированных потоков, Краузе еще раз отвечает в заключительной главе: да, думают. Сложно предположить иной ответ, когда большинство этнографических данных анализируется в книге при помощи соответствующих категорий. Даже антропологический взгляд на экологическую историю, по мнению Краузе, делает из последней непрерывный поток. Но есть ли в приречном мире (и за его пределами) что-то, что не является потоком?

Библиография

- Kohn E. *How Forests Think: Towards an Anthropology Beyond the Human*. Berkeley; Los Angeles; L.: University of California Press, 2013. 288 p.
- Krause F. Afterword: Wet Ethnographies // *Ethnos. Journal of Anthropology*. 2024. Vol. 89. No. 3. P. 500–509. doi: 10.1080/00141844.2023.2233706.
- Мамонтова Н.А. «Нет леса, нет и хозяев»: космология, ресурсы и отношения с пространством в одной вепской деревне // *Сибирские исторические исследования*. 2018. № 4. С. 278–283.

A Review of Franz Krause, *Thinking Like a River: An Anthropology of Water and Its Uses Along the Kemi River, Northern Finland*. Bielefeld: transcript Verlag, 2023, 292 pp.

Kseniia Gavrilova

Chukotka Branch of North-Eastern Federal University
3 Studencheskaya Str., Anadyr, Russia
kgawrilova@eu.spb.ru

Thinking Like a River by Franz Krause presents an environmental, economic, and social research on historic development and the

current state of the river Kemi of Lapland, Northern Finland. The study builds on research agenda and methodology of environmental history alongside theoretical framework devised by an anthropologist Tim Ingold. The opening ethnographic sections of the book address the settlement process in the region, formation of private economies of the local households, and the role of the river as a space-maker that underlies the toponymic system of the region. The detailed ethnography of fishing and boating activities of the local population is followed by the study of the road system that replaced boating along the river as a dominant way of getting around. Besides being an ‘integrator’ of the catchment area, the Kemi River has been acting as a tool for facilitating resource extraction from the region. Throughout the 20th century, the river was used by the state and companies approved by the state as an infrastructure for transportation of timber and production of hydroelectricity. Throughout the book the life of the Kemi catchment area is consistently described in terms of ‘flows’, ‘rhythms’ and ‘resonances’. This analytical framework allows Krause to conceptualize the river dwellers’ world as a landscape (‘taskscape’) of resonating rhythms produced by both humans and non-human entities. For example, meteorological conditions resonate with the movement of fish, with the choice of a way and means of transport, with the control over river discharge and long-term plans of the hydroelectric company.

Keywords: environmental history, rivers, rhythms, flows, Tim Ingold, Lapland.

References

- Kohn E., *How Forests Think: Towards an Anthropology Beyond the Human*. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 2013, 288 pp.
- Krause F., Afterword: Wet Ethnographies, *ETHNOS. Journal of Anthropology*, 2024, vol. 89, no. 3, pp. 500–509. doi: 10.1080/00141844.2023.2233706.
- Mamontova N. A., “Net lesa, net i khozyaev”: Kosmologiya, resursy i otnosheniya s prostranstvom v odnoy vepsskoy derevne’ [“No Forest, No Masters”: Cosmology, Resources, and Relations with Space in a Vepsian Village], *Sibirskie istoricheskie issledovaniya*, 2018, no. 4, pp. 278–283. (In Russian).